

УДК 327.8

DOI: 10.34670/AR.2026.93.10.021

Ресентимент как технология конструирования цивилизационного разрыва: трансформация исторической памяти

Некрасов Дмитрий Владимирович

Кандидат философских наук,
старший преподаватель кафедры социологии,
Военный университет им. князя Александра Невского МО РФ,
123001, Российская Федерация, Москва, ул. Большая Садовая, 14с1;
e-mail: nekrasovdm1991@yandex.ru

Аннотация

В статье исследуется феномен ресентимента как целенаправленно конструируемой политической технологии, используемой для разрушения исторической и культурной общности народов России и Украины. Автор утверждает, что в основе процесса лежит системное искажение исторических фактов и переформатирование коллективной памяти, осуществляемое коалицией внешних и внутренних акторов. Цель данной технологии – формирование у украинцев искусственного чувства экзистенциальной обиды и несправедливости, направленного против России, что обеспечивает социальную базу для антироссийской внешней и внутренней политики. В работе детально анализируются ключевые механизмы этой информационно-идеологической инженерии по внедрению ресентимента: реформа системы образования, монополизация медиапространства и законодательное закрепление искаженных нарративов. На конкретных примерах (таких как трактовка Голодомора как целенаправленного «геноцида», героизация коллаборационистов ОУН-УПА и лингвистический апартеид) раскрывается, как создавался миф о «вековом противостоянии».

Для цитирования в научных исследованиях

Некрасов Д.В. Ресентимент как технология конструирования цивилизационного разрыва: трансформация исторической памяти // Теории и проблемы политических исследований. 2026. Том 15. № 5А. С. 157-168. DOI: 10.34670/AR.2026.93.10.021

Ключевые слова

Коллективная память, национальная безопасность, национальная идентичность, мораль, национальная консолидация, политика, политическая мобилизация, политические технологии, ресентимент, специальная военная операция, Украина.

Введение

Категория ресентимента, введенная в философский дискурс Фридрихом Ницше [Ницше, 2012] и развитая Максом Шелером [Шелер, 1997], изначально трактовалась как глубинный психологический и морально-философский феномен. Ницше видел в нем «духовную месть» слабого, вынужденного в силу бессилия вынашивать скрытую враждебность к сильному и компенсировать это созданием «морали рабов», переворачивающей ценности господ. Согласно Ницше, ресентимент является не только историческим истоком морали, он также является ее психологическим основанием. Противопоставляя «мораль рабов» «морали господ», Ницше утверждает, что в то время, как последняя «развивается из торжествующего утверждения самой себя», первая «направляет взгляд вовне, вместо того чтобы обращать его назад на себя» и «нуждается во враждебном внешнем мире». Здесь решающее значение имеет то, носитель «морали раба» как правило выдумывает злого врага (и не всегда самостоятельно, а при помощи «подсказок» заинтересованных акторов) [О ситуации, 2019].

Шелер уточнял, что ресентимент – это хроническая, самоотравляющая позиция, проистекающая из систематической невозможности реализовать определенные жизненные ценности и сопровождаемая враждебностью к их носителям. Шелер характеризует ресентимент как «самоотравление духа, вызванное систематическим подавлением определенных эмоций и аффектов», ведущее к «тенденции предаваться определенным видам ценностных иллюзий и соответствующих оценочных суждений». Источник ресентимента – это «жажда мести», которая прорывается как результат реакции фрустрации, спровоцированной комбинацией зависти к тому, чего у человека нет, и бессилия получить это, но это не просто гнев или чистая эмоция: оно предполагает работу времени и сознания [Шелер, 1997].

Основная часть

В контексте современной военной политологии и исследований национализма необходим сдвиг парадигмы. Ресентимент перестает быть исключительно социально-психологической категорией и становится осознанно конструируемой политической технологией и идеологическим инструментом [Давыдов, 2024, 174], [Фишман, 2024]. Его генезис в данном ракурсе – это не естественное вызревание коллективных обид, а результат целенаправленной деятельности акторов, заинтересованных в переформатировании коллективной идентичности и памяти для достижения геополитических целей.

В этом качестве ресентимент представляет собой технологию производства «исторической правды», основанную не на научном поиске, а на селекции и мифологизации фактов. Его ключевая функция – формирование прочного основания для «негативной солидарности», то есть сплочения общества не вокруг позитивного проекта будущего, а вокруг общего, искусственно сконструированного образа врага-обидчика. Это превращает ресентимент из пассивного состояния в активный мобилизационный ресурс и геополитический инструмент раскола.

Рассматривая ресентимент как политическую технологию, мы считаем, что с его помощью можно создать управляемую историческую обиду, выполняющую конкретные политические функции в проектах национального строительства и геополитического переустройства. Эта технология представляет собой систему взаимосвязанных практик по селекции, реинтерпретации и сакрализации отдельных элементов прошлого с целью формирования

необходимого эмоционально-ценностного отношения к настоящему.

Мы предлагаем выделить следующие функции ресентимента как политической технологии: легитимация радикального историко-культурного разрыва; консолидация через негативную идентичность; мобилизационный ресурс для текущей политики.

Раскроем перечисленные функции более подробно.

Легитимация радикального историко-культурного разрыва. Технология призвана обеспечить моральное и эмоциональное оправдание для демонтажа общих социальных и политических институтов, разрыва экономических связей, пересмотра базовых исторических нарративов. Конструируемый образ «векового угнетения» превращает разрыв из акта политической целесообразности в акт справедливого возмездия и освобождения, что снижает социальные издержки подобных трансформаций.

Языковая политика на Украине и кампания по декоммунизации дают здесь особенно показательные примеры. Начиная с 2000-х гг., а после 2014 г. – в форсированном режиме, русский язык, на котором веками говорили миллионы жителей страны, стали последовательно превращать в идеологический маркер. Если раньше его присутствие в образовании, медиа и публичном пространстве воспринималось как естественная часть культурного ландшафта, то теперь его начали трактовать исключительно как наследие «имперского гнета». Принимаемые один за другим «языковые законы», по сути выдавливавшие русский язык из официальной сферы, обосновывались не вопросами удобства коммуникации или лингвистической логики, а риторикой «преодоления колониального прошлого». В результате повсеместное двуязычие, которым на практике пользовались десятки миллионов человек, было объявлено отклонением от нормы, подлежащим исправлению.

Символическое измерение имела и кампания по сносу советских памятников. Начавшись в 2014 г. стихийно, позже она получила законодательное оформление. Советский период – время, когда Украина и Россия находились в рамках одного государства, делили общую победу в войне, – стал объектом тотального отрицания. Уничтожение монументов и переименование городов, улиц, районов (а их насчитывались тысячи) выполняли роль «ритуального очищения»: предполагалось, что таким образом сбрасывается «имперское прошлое». Но дело здесь не ограничивалось отказом от советской символики. По сути, был совершен публичный, подчеркнуто демонстративный разрыв с целой исторической эпохой – той самой, которая еще совсем недавно играла роль скрепы между народами. Советские десятилетия выпали из коллективной памяти не постепенно, а в результате целенаправленной подмены: вместо сложной и противоречивой реальности утвердилась схема, где осталось только два полюса – «геноцид» и «оккупация».

В большинстве классических теорий нациестроительства – будь то гражданская, этническая или интеграционная модель – акцент делается на позитивных символах, вокруг которых может кристаллизоваться общность. Технология ресентимента действует иначе. Вместо того чтобы предлагать положительную программу, она формирует единство на негативной основе – на общем образе врага, который воспринимается как источник обид и угроз. Иначе говоря, здесь работает *принцип консолидации через негативную идентичность*. Такой механизм позволяет относительно быстро гасить внутренние социальные и региональные противоречия, переключая их во внешнюю плоскость по формуле «Мы (жертвы и борцы) – Они (палачи и угнетатели)».

На Украине эта логика привела к формированию разветвленной системы «анти-идентичности». Украинская идентичность в ее официально продвигаемой версии стала определяться не столько через позитивное содержание (культура, язык, традиции, гражданские

права), сколько через отрицание: прежде всего через противопоставление России и всему, что с ней связано.

Наиболее ярко этот подход проявился в пересмотре истории Второй мировой войны и героизации ОУН-УПА. Фигуры, реально сотрудничавшие с нацистской Германией и причастные к этническим чисткам – Степан Бандера, Роман Шухевич и другие, – были возведены в ранг национальных героев не в результате новых архивных открытий или научной дискуссии, а как сознательный вызов общей памяти о победе над нацизмом. Для России, да и для значительной части украинского населения, эта память остается краеугольной. В новой же версии истории война предстает как борьба «двух тоталитаризмов» против украинского народа, а главным врагом объявляется не гитлеровская Германия, а СССР, правопреемницей которого объявлена Россия.

Ритуалы, закрепляющие этот нарратив, получили официальный статус: парады ветеранов УПА, факельные шествия 1 января в день рождения Бандеры. Они выполняют роль сакрального противопоставления «наших» героев «ихним» – ветеранам, которых в публичном дискурсе окрестили уничижительным «колорадовцами». Через такие ритуалы новая общность не просто утверждается, а цементируется на эмоциональном, почти религиозном уровне.

Когда пассивная обида превращается в активный мировоззренческий комплекс, технология ресентимента начинает работать как *поставщик устойчивых мобилизационных мотивов*. Элиты получают возможность апеллировать не к рациональным аргументам, а к коллективным травмам – и это существенно упрощает мобилизацию населения даже для задач, напрямую не связанных с его благосостоянием, включая участие в вооруженных конфликтах.

В украинском случае сконструированный ресентимент оказался почти безотказным инструментом для решения текущих политических задач, неизменно подавляя рациональную дискуссию. Так, провалы в экономике – трудности переходного периода, гиперинфляция, обнищание населения – объяснялись не просчетами собственных властей, не объективной сложностью реформ и не коррупцией, а исключительно «наследием колониальной эксплуатации» и «грабительской политикой Москвы». Миф о «трубе», через которую Россия якобы выкачивала украинские ресурсы, позволял олигархическим кланам, в реальности разворовывавшим страну, уходить от ответственности: народный гнев перенаправлялся на внешнего врага.

События на Майдане, трагедия в Одессе, проведение АТО на Донбассе, а затем и СВО – все это подавалось не как сложный, многофакторный конфликт, а как очередной, почти неизбежный акт векового геноцида со стороны «фашистов» [Некрасов, 2022]. Любые попытки разобраться в причинах, обсудить возможность нейтрального статуса или начать переговоры немедленно объявлялись «коллорабационизмом» и «потаканием агрессору». В итоге в обществе сформировалась атмосфера тотальной мобилизации и нетерпимости к любым альтернативным точкам зрения. Это позволило украинским властям консолидировать контроль, ввести военное положение и отложить выборы – все под предлогом единства перед лицом абсолютного, метафизического Зла, образ которого годами выращивался технологией ресентимента.

Конструирование ресентимента в украинском обществе является результатом деятельности коалиции заинтересованных акторов, чьи стратегические цели, хотя и различаются в деталях, сходятся в главном – необратимый цивилизационный и геополитический отрыв Украины от России. Этот проект не стихийен, а управляем и финансируем.

Коллективный Запад, в первую очередь в лице США и ключевых стран НАТО (основные внешние акторы), рассматривает ослабление России как стратегическую константу. И,

соответственно, как справедливо отмечают представители экспертного сообщества, российская внешнеполитическая доктрина рассматривает на данный момент Украину как де-факто плацдарм «коллективного Запада» в лице США, государств-членов НАТО и ЕС в геополитическом противостоянии с Россией [Рыжов, 2024, с. 52].

Интеграция Украины в западные структуры невозможна без предварительного тотального цивилизационного переформатирования ее населения, которое исторически и культурно тесно связано с Россией [Карпиленя, 2023]. Следовательно, внешние акторы выступают в роли заказчиков и спонсоров проекта по выращиванию ресентимента.

Цели внешних акторов очевидны – создание постоянного очага нестабильности и враждебности на границах РФ, «санитарного кордона» [Яценко, 1999] в идеологическом и военно-политическом смысле. Окончательный разрыв экономических, родственных и гуманитарных связей делает любую будущую реинтеграцию пространства невозможной, фиксируя раскол на поколения вперед.

Основными инструментами культивирования ресентимента на наш взгляд являются:

1. *Финансирование и идеологическая поддержка сети неправительственных организаций* (НКО), таких как «Интерньюс-Украина», фонды Сороса (IRF, Международный фонд «Возрождение»), которые курируют медиа, образовательные и молодежные проекты, задающие антироссийский дискурс.

2. *Подготовка кадровой базы через программы академических обменов* (Фулбрайт, программы Госдепа США), где будущие украинские элиты проходят идеологическую обработку в парадигме «Россия как империя зла».

3. *Медийное партнерство и создание контента* (например, через финансируемые проекты типа «Детектор медиа» или «Радио Свобода»), который формирует картину мира, где Россия – источник всех бед.

Помимо внешних акторов, существуют и внутренние – местные элиты, сформировавшиеся в результате приватизации 1990-х гг., которые изначально были заинтересованы в суверенитете как гарантии неприкосновенности накопленной собственности. Со временем наиболее радикальные националистические группы и прозападные политические силы осознали, что ресентимент является идеальным инструментом удержания власти.

Цели внутренних акторов – легитимация власти и богатства (образ внешнего врага позволяет объяснить населению экономические неудачи, коррупцию и социальное неравенство как следствие «гибридной войны» и «исторической зависимости», перекладывая ответственность с себя на Москву), подавление политической конкуренции (любого оппонента, выступающего за диалог с Россией или федерализацию, можно дискредитировать как «агента Кремля», «коллорабонанта» или «сепаратиста», используя созданную атмосферу истерии и нетерпимости), консолидация проекта «Украина» на ультранационалистической основе (для части элит ресентимент – не тактика, а суть их политического проекта, цель которого – построение моноэтничного «государства-нации» с очищенной от русских влияний историей и культурой).

Можно выделить следующие основные инструменты внутренних акторов – контроль над ключевыми министерствами (образования, культуры, молодежи и спорта), издание законодательных актов (о декоммунизации, языке, «коренных народах»), поддержка и легализация радикальных националистических батальонов и организаций («Азов», «Правый сектор»), которые служат силовым и идеологическим авангардом, насаждающим культ ненависти.

Таким образом, проект по конструированию ресентимента является симбиозом внешних геополитических интересов и внутренних амбиций украинских элит. Первые предоставляют ресурсы, идеологическую накачку и внешнюю легитимацию, вторые – непосредственный доступ к административным рычагам и реализуют проект «на земле». Их альянс и сделал возможным превращение технологии из теории в повседневную политическую практику, ведущую к кровавому конфликту.

Для внедрения ресентимента в общественное сознание внешними и внутренними акторами реализовывался целый ряд механизмов.

Проект по искусственному выращиванию ресентимента требовал захвата и перепрофилирования ключевых институтов, формирующих общественное сознание. Этот процесс, начатый в 1990-е гг. и резко ускоренный после 2014 г., представляет собой тотальную информационно-идеологическую инженерию, направленную на создание нового исторического мифа.

В числе долгосрочных механизмов наиболее разрушительным стало реформирование школьного и вузовского образования. Министерство образования и науки Украины, оказавшись под контролем сил, продвигающих националистическую идеологию, инициировало внедрение учебных программ и учебников с явной политической ангажированностью. История отношений с Россией – и вообще совместное прошлое – стала преподноситься исключительно через призму колониального угнетения. От княжеских междоусобиц, которые теперь трактовались как «борьба Украины с Москвой», до Голодомора, обязательного к изучению в качестве преднамеренного «геноцида», «спланированного московским режимом», – вся канва истории выстраивалась вокруг тезиса о вековой враждебности.

Особенно показательно переформатирование памяти о Великой Отечественной войне. В новых учебниках она фактически исчезла как таковая, уступив место концепции «Второй мировой», где главными действующими лицами для Украины объявлены ОУН и УПА, а советские солдаты – не освободителями, а «оккупантами» [МИД, 2023]. Такая подача с ранних лет формирует устойчивую картину мира, в которой Россия выступает в роли извечного агрессора, а любые попытки говорить о совместной истории наталкиваются на эмоциональный барьер. Систематическая перестройка учебного процесса нацелена на разрыв исторической преемственности и воспитание поколения, для которого антироссийские настроения становятся не результатом осмысления фактов, а чем-то само собой разумеющимся.

Средства массовой информации – один из ключевых каналов, через который ресентимент внедряется в массовое сознание. На Украине, особенно после того, как контроль над основными медиаактивами оказался сосредоточен в одних руках, а финансирование получили телеканалы, газеты и онлайн-платформы, ориентированные на провластную и националистическую повестку, сложилось фактически единое пропагандистское поле [Некрасов, 2023].

Что характерно, это поле держится на двух опорах. Первая – перманентное подчеркивание украинской «жертвенности», вторая – последовательное выстраивание образа России исключительно как «агрессора». В такой системе координат любое позитивное высказывание об общих культурных истоках, о сохраняющихся экономических или просто родственных связях оказывается под негласным запретом. Подобные темы тут же получают ярлыки «соглашательства» либо «пророссийской пропаганды».

Параллельно культурная сфера превратилась в площадку для воспевания фигур вроде Бандеры и Шухевича – через фильмы, сериалы, музыкальные произведения. Русскоязычный культурный контент, напротив, подвергается последовательному очернению и

законодательным ограничениям. Медийная риторика выработала особый язык дегуманизации: уничижительные ярлыки («кацап», «ватнюк», «колорад», «орки», «фашисты») систематически применяются к русским и россиянам, вытесняя из публичного дискурса представление о них как о соседях или родственниках. В этой логике диалог уступает место войне – именно такое восприятие целенаправленно закрепляется в сознании аудитории [МИД, 2019, 255].

Высшей формой успеха внедрения ресентимента стало его превращение в норму закона. Пакет так называемых «декоммунизационных законов» [№ 316-VIII, 2015], [№ 314-VIII, 2015], [№ 317-VIII, 2015], [№ 315-VIII, 2015] не просто запрещал символы, а криминализировал саму историческую память, альтернативную националистическому мифу. Публичное отрицание «героического характера борьбы ОУН-УПА» стало административным, а затем и уголовным преступлением. Последовавший «языковой» закон [2704-VIII, 2019] юридически оформил апартеид по языковому признаку, вытеснив русский язык, на котором думают и говорят миллионы, в маргинальное пространство. Закон «О коренных народах» [№1616-IX, 2021], исключая русских из их числа, стал финальным юридическим актом этнического и исторического сепаратизма, закрепив идею о русских как о вечных чужаках, «колонизаторах» на украинской земле. Государство превратило ресентимент из неформальной идеологии в обязательную для всех норму поведения.

Мы видим, как через симбиоз образования, медиа и закона был создан герметичный информационный контур, постоянно генерирующий и воспроизводящий ресентимент. В итоге сформировался замкнутый информационный контур, внутри которого практически не остается места ни для рефлексии, ни для альтернативных интерпретаций событий, ни даже для элементарного человеческого сочувствия по отношению к тем, кто оказывается «по другую сторону» баррикад.

Технология ресентимента не сочиняет историю на пустом месте. Она берет реальные факты, но подвергает их жесткой селекции и переосмыслению, выстраивая из отобранного идеологически выверенную конструкцию, главная задача которой – обосновать разрыв [Некрасов, 2024]. Ключевые периоды совместного прошлого переписываются с инверсией смысла: то, что когда-то воспринималось как союзничество или общность, объявляется оккупацией; совместные достижения трактуются как угнетение; а коллаборационизм с внешними врагами подается как героическая борьба за независимость.

Чтобы доказать тезис о «врожденной» враждебности России, была выстроена целостная историческая ретроспектива, в которой каждый эпизод взаимодействия двух народов предстает как акт агрессии со стороны Москвы. Киевская Русь объявляется исключительно «першим українською державою», а ее наследие – «узурпированным» сначала Владимиро-Суздальским княжеством, затем Московским царством. Сам факт возникновения русского государства в северо-восточных землях подается как «кража истории». Период вхождения украинских территорий в состав Российской империи, а затем СССР изображается как сплошная колониальная эксплуатация и насильственная русификация, причем любые интеграционные проекты – от индустриализации до создания системы образования – интерпретируются исключительно как инструменты подавления. Кульминацией этой конструкции стал Голодомор 1932–1933 гг. В новой трактовке он выведен из контекста общесоветской трагедии, вызванной форсированной коллективизацией, и представлен как сознательный, заранее спланированный Москвой геноцид именно украинской нации. Эмоционально насыщенный, этот миф стал краеугольным камнем идеологии ресентимента: он превращает любые, даже самые сложные исторические обстоятельства в однозначное целенаправленное злодеяние [МИД, 2019].

Особенно показательным – и, пожалуй, наиболее разрушительно по своим последствиям – то, как именно была переписана история Великой Отечественной войны. Чтобы разрушить мощнейший объединяющий символ, концепция Великой Отечественной войны была заменена на концепцию «Второй мировой как борьбы украинского народа за независимость против двух империй – нацистской и советской». В этой схеме ключевыми «героями» национального нарратива становятся не солдаты Красной Армии, а бойцы Организации украинских националистов (ОУН) и Украинской повстанческой армии (УПА), воевавшие на стороне гитлеровской Германии и причастные к массовым убийствам мирного населения (евреев, поляков, самих украинцев). Их сотрудничество с нацистами объясняется и оправдывается как «тактический союз» против большевизма. Память о реальном Холокосте и зверствах нацистов на украинской земле затушевывается, а советские воины-освободители демонизируются как «оккупанты», насадившие новый «тоталитарный режим». Это позволило перенаправить ресентимент с нацизма (общепризнанного мирового зла) на Россию как наследницу СССР, создав мощный идеологический фундамент для современной русофобии.

Для заполнения «пробелов» в нарративе о постоянной борьбе происходит мифологизация и других исторических периодов. Казачество Запорожской Сечи, сложный социально-военный феномен с разнообразными политическими ориентациями, редуцируется до образа «вечных рыцарей украинской свободы, сражавшихся с москалями». При этом полностью замалчиваются тесные союзнические отношения с Россией, участие казаков в общерусских войнах и их роль в освоении и защите общих границ.

Результаты применения технологии искусственного ресентимента оказались масштабными: украинское общество претерпело глубокие изменения, а геополитический ландшафт Восточной Европы изменился до неузнаваемости. Ее результаты носят двойственный характер: впечатляющая краткосрочная эффективность оборачивается системными долгосрочными угрозами как для самой Украины, так и для региона в целом.

Политическая технология внедрения ресентимента в общественное сознание украинцев продемонстрировала высокую эффективность в решении поставленных ее архитекторами задач, а именно: *консолидация и мобилизация* (в кратчайшие сроки удалось создать из фрагментированного постсоветского общества монолитную политическую нацию, основанную на негативной солидарности, а образ «векового врага» обеспечил беспрецедентный уровень мобилизации населения после 2014 и 2022 гг., позволив киевскому режиму выстоять в военном конфликте); *идеологическое обоснование цивилизационного разрыва* (тотальная десоветизация и дерусификация создали поколение, для которого любые связи с Россией воспринимаются как позорное «колониальное наследие», совместное прошлое было демонизировано, что сделало любые призывы к диалогу или воссоединению в общественном поле политически невозможными и морально неприемлемыми); *легитимация власти и внешнего управления* (правящая группа, исповедующая националистическую идеологию, получила карт-бланш на любые действия под лозунгом «борьбы с агрессором», критика власти была приравнена к госизмене, что позволило свернуть демократические процедуры, подавить оппозицию и установить режим «военной диктатуры с человеческим лицом», полностью зависимой от западной помощи).

Вместе с тем, киевский режим выполняя текущие задачи, проявляет недальновидность и не учитывает радикальные последствия, которые неизбежно наступят.

Для самой Украины проводимая правящей элитой политика по культивированию ресентимента уже обернулась печальными последствиями. Жесткое насаждение радикального национализма и подавление русского языка привело к глубокому внутреннему расколу,

массовой эмиграции, маргинализации миллионов русскоязычных граждан. Предвосхищая замечания о том, что украинцы в большинстве своем бегут в Европу спасаясь от вооруженного конфликта, приведем статистические данные, согласно которым, за первые несколько месяцев 2014 г. в Россию въехали более 500 тыс. украинцев. К концу 2015 г. таких было уже свыше 1,1 млн. человек [Пономаренко, 2015]. В июне 2023 г. Управление верховного комиссара ООН по делам беженцев сообщило о том, что с февраля 2022 г. в Россию переехали 1,2 млн украинцев [ООН, 2023].

Еще одним катастрофическим последствием ресентимента на Украине является удар по экономическому сектору. Страна, превращенная в «антироссийский плацдарм», потеряла основные рынки сбыта, промышленные цепочки и человеческий капитал. Демография подорвана массовым исходом населения. Украина рискует на десятилетия превратиться в несостоявшееся государство, полностью зависящее от иностранной помощи.

Помимо внутренних негативных последствий насаждения ресентимента, существуют и негативные геополитические последствия.

Проект по созданию «Анти-России» на украинской территории привел к тому, что архитектура европейской безопасности претерпела фундаментальные изменения, причем в худшую сторону. Вместо буферного государства, которое могло бы разделять военно-политические блоки, здесь возник постоянный фронт – сначала гибридной, затем и полномасштабной войны. Это фактически ликвидировало саму перспективу выстраивания единого пространства безопасности от Лиссабона до Владивостока, о которой в свое время много говорили. Конфликт приобрел институциональный и затяжной характер. Не остались в стороне и страны Восточной Европы, активно включившиеся в поддержку украинского националистического проекта. Они все больше попадают в зависимость от собственной русофобской риторики, что сужает их внешнеполитический маневр и, кроме того, создает благоприятную среду для роста радикальных сил внутри этих государств.

Заключение

Проведенное исследование показывает: радикальный антироссийский настрой, утвердившийся в значительной части украинского общества, нельзя объяснить естественной эволюцией исторического сознания или стихийным ростом напряженности. Перед нами – результат последовательно реализованного политтехнологического проекта, нацеленного на конструирование ресентимента. Этот проект разворачивался при поддержке коалиции внешних и внутренних акторов, каждый из которых преследовал свои интересы. Внешние – стремились к необратимому цивилизационному отрыву Украины от России, решая тем самым более широкие геополитические задачи. Внутренние – через образ внешнего врага легитимировали собственную власть и закрывали пространство для политической конкуренции.

С точки зрения технологической эффективности замысел сработал. Основные институты, ответственные за формирование идентичности – образование, медиа, законодательная власть – оказались под жестким контролем. Вокруг них выстроили герметичный идеологический контур, который непрерывно продуцирует и тиражирует искусственный исторический миф. Три его опоры: образ России как «векового угнетателя», пересмотр истории Второй мировой войны с возведением коллаборационистов в ранг героев и тотальная демонизация всего, что связывало Украину с Россией в прошлом. Масштабная социальная инженерия превратила значительную часть населения в мобилизованную общность, чья идентичность держится на негативной солидарности и культивируемой ненависти.

Но то, что оказалось тактическим успехом для ее архитекторов, оборачивается стратегической ловушкой. Для самой Украины ресентимент работает как мина замедленного действия: культурное и демографическое истощение, экономическая деградация, опасная зависимость собственной идентичности от постоянно поддерживаемого образа врага. В геополитическом измерении проект привел к возникновению в центре Европы хронического очага нестабильности, закрыв любые перспективы возвращения к идее единого пространства безопасности.

Таким образом, ресентимент выступает не как глубинная причина конфликта, а как инструмент и одновременно ключевой продукт гибридной войны. Политологический анализ этой технологии позволяет увидеть не столько психологические особенности украинского общества, сколько саму технику управления исторической памятью и массовым сознанием – технику, используемую как оружие в борьбе за передел зон влияния. Без признания этого факта и без последующей, неизбежно сложной работы по демифологизации общего прошлого, на которое была направлена разрушительная мощь этой технологии, сколько-нибудь устойчивая деэскалация вряд ли возможна.

Библиография

1. Более 114 миллионов человек были вынуждены покинуть свои дома из-за войн и насилия [Электронный ресурс] // ООН – Режим доступа: <https://news.un.org/ru/story/2023/10/1446212> (дата обращения: 10.02.202).
2. Давыдов Д.А. Эпоха ресентимента и трагедия уходящих классов. Фишман Л.Г. Неравенство равных: Концепция и феномен ресентимента. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2024. 272 с. // Полития. 2025. № 1 (116). С. 174-183.
3. Закон Украины «О доступе к архивам репрессивных органов коммунистического тоталитарного режима 1917–1991 годов» (закон № 316-VIII).
4. Закон Украины «О коренных народах» (закон №1616-IX).
5. Закон Украины «О правовом статусе и памяти борцов за независимость Украины в XX веке» (закон № 314-VIII).
6. Закон Украины «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного» (закон 2704-VIII).
7. Закон Украины «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов в Украине и запрете пропаганды их символики» (закон № 317-VIII).
8. Закон Украины «Об увековечении победы над нацизмом во Второй мировой войне 1939–1945» (закон № 315-VIII).
9. Карпиленя Н.В. Философия геополитики как теория противодействия организуемым Западом гибридным войнам: взгляд из союзного государства и большого Востока // Архонт. 2023. № 6. С. 4-47.
10. Некрасов Д.В. Моральные дилеммы симулякров: влияние цифровизации на этику в вооруженных конфликтах / Д.В. Некрасов, К.С. Петряков, Д.В. Казаков // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Т. 12, № 12-1. С. 167-172.
11. Некрасов Д.В. Соотношение политики и морали в современных вооруженных конфликтах: дисс. ... канд. филос. н. М., 2024. 171 с.
12. Некрасов Д.В. Специальная военная операция на Украине в контексте теории справедливой войны // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 5. С. 164-166.
13. Ницше Ф. Полное собрание сочинений: В 13 томах / Ин-т философии. М.: Культурная революция, 2005 Т. 5: По ту сторону добра и зла. К генеалогии морали. Случай «Вагнер» / Пер. с нем. Н.Н. Полилов, К.А. Свасьян. 2012. 480 с.
14. О ситуации с героизацией нацизма, распространении неонацизма и других видов практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости // Доклад МИД России. Москва. 2019. 379 с.
15. О ситуации с правами человека на Украине // Доклад Министерства иностранных дел Российской Федерации. Москва. 2023. 134 с.
16. Пономаренко Т. Как Россия принимала украинских беженцев в 2014 году [Электронный ресурс]//РБК. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/18/02/2022/620fade89a7947983ccf1b18> (дата обращения: 10.02.2026).
17. Рыжов В.Б. Украина – НАТО: взаимоотношения и перспективы членства [Электронный ресурс] // Международное право. 2024. № 1. С. 51-62. – Режим доступа:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70484 (дата обращения: 10.02.2026).

18. Фишман Л.Г. Неравенство равных: Концепция и феномен ресентимента. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2024. 272 с.
19. Шелер М. Ресентимент в структуре моралей / Пер. с нем. А.Н. Малинкина // Социологический журнал. 1997. № 4. С. С. 79-115.
20. Яценко Н. Толковый словарь обществоведческих терминов. Серия: Учебники для вузов. Специальная литература. М.: Лань, 1999. 528 с.

Ressentiment as a Technology for Constructing a Civilizational Rupture: The Transformation of Historical Memory

Dmitrii V. Nekrasov

PhD in Philosophy,
Senior Lecturer of the Department of Sociology,
Prince Alexander Nevsky Military University
of the Ministry of Defense of the Russian Federation,
123001, 14, bld. 1, Bol'shaya Sadovaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: nekrasovdm1991@yandex.ru

Abstract

The article examines the phenomenon of resentment as a purposefully constructed political technology used to destroy the historical and cultural community of the peoples of Russia and Ukraine. The author asserts that the process is based on the systemic distortion of historical facts and the reformatting of collective memory, carried out by a coalition of external and internal actors. The goal of this technology is to form in Ukrainians an artificial sense of existential resentment and injustice directed against Russia, which provides a social base for anti-Russian foreign and domestic policy. The paper analyzes in detail the key mechanisms of this information-ideological engineering for the introduction of resentment: the reform of the education system, the monopolization of the media space, and the legislative consolidation of distorted narratives. Using specific examples (such as the interpretation of the Holodomor as a purposeful "genocide", the heroization of OUN-UPA collaborators, and linguistic apartheid), it is revealed how the myth of a "centuries-old confrontation" was created.

For citation

Nekrasov D.V. (2026) Resentiment kak tekhnologiya konstruirovaniya tsivilizatsionnogo razryva: transformatsiya istoricheskoy pamyati [Ressentiment as a Technology for Constructing a Civilizational Rupture: The Transformation of Historical Memory]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 15 (5A), pp. 157-168. DOI: 10.34670/AR.2026.93.10.021

Keywords

Collective memory, national security, national identity, morality, national consolidation, politics, political mobilization, political technologies, resentment, special military operation, Ukraine.

References

1. Boleye 114 millionov chelovek byli vynuzhdeny pokinut' svoidoma iz-za voyn i nasiliya [More than 114 million people were forced to flee their homes due to wars and violence]. (2023). *UN*. Available at: <https://news.un.org/ru/story/2023/10/1446212>
2. Davydov D.A. (2025). Epokha resentmenta i tragediya ukhodyashchikh klassov. Fishman L.G. Neravenstvo ravnykh: Kontseptsiya i fenomen resentmenta [The Era of Resentment and the Tragedy of the Departing Classes. Fishman L.G. Inequality of Equals: Concept and Phenomenon of Resentment] (Book Review). *Politiya*, 1(116), 174-183.
3. Zakon Ukrainy «O dostupe k arkhivam repressivnykh organov kommunisticheskogo totalitarnogo rezhima 1917–1991 godov» [Law of Ukraine "On Access to Archives of Repressive Bodies of the Communist Totalitarian Regime of 1917–1991"] (Law No. 316-VIII).
4. Zakon Ukrainy «O korennykh narodakh» [Law of Ukraine "On Indigenous Peoples"] (Law No. 1616-IX).
5. Zakon Ukrainy «O pravovom statuse i pamyati bortsov za nezavisimost' Ukrainy v XX veke» [Law of Ukraine "On the Legal Status and Memory of Fighters for Ukraine's Independence in the 20th Century"] (Law No. 314-VIII).
6. Zakon Ukrainy «Ob obespechenii funktsionirovaniya ukrainskogo yazyka kak gosudarstvennogo» [Law of Ukraine "On Ensuring the Functioning of the Ukrainian Language as the State Language"] (Law No. 2704-VIII).
7. Zakon Ukrainy «Ob osuzhdenii kommunisticheskogo i natsional-sotsialisticheskogo (natsistskogo) totalitarnykh rezhimov v Ukraine i zaprete propagandy ikh simvoliki» [Law of Ukraine "On Condemnation of the Communist and National-Socialist (Nazi) Totalitarian Regimes in Ukraine and Prohibition of Propaganda of Their Symbols"] (Law No. 317-VIII).
8. Zakon Ukrainy «Ob uvekovechenii pobedy nad natsizmom vo Vtoroy mirovoy voyne 1939–1945» [Law of Ukraine "On Perpetuation of the Victory over Nazism in the Second World War of 1939–1945"] (Law No. 315-VIII).
9. Karpilenya N.V. (2023). Filosofiya geopolitiki kak teoriya protivodeystviya organizuyemym Zapadom gibrдным voynam: vzglyad iz soyuznogo gosudarstva i bol'shogo Vostoka [Philosophy of Geopolitics as a Theory of Counteraction to Hybrid Wars Organised by the West: A View from the Union State and the Greater East]. *Arkhyon*, 6, 4-47.
10. Nekrasov D.V., Petryakov K.S., Kazakov D.V. (2023). Moral'nyye dilemmy simul'yakrov: vliyaniye tsifrovizatsii na etiku v vooruzhennykh konfliktakh [Moral Dilemmas of Simulacra: The Impact of Digitalisation on Ethics in Armed Conflicts]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke*, 12(12-1), 167-172.
11. Nekrasov D.V. (2024). *Sootnosheniye politiki i morali v sovremennykh vooruzhennykh konfliktakh* [The Relationship between Politics and Morality in Modern Armed Conflicts] (Candidate of Philosophical Sciences dissertation). Moscow. 171 p.
12. Nekrasov D.V. (2022). Spetsial'naya voyennaya operatsiya na Ukraine v kontekste teorii spravedlivoy voyny [The Special Military Operation in Ukraine in the Context of Just War Theory]. *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya*, 5, 164-166.
13. Nietzsche F. (2012). *Polnoye sobraniye sochineniy: V 13 tomakh* [Complete Works: In 13 Volumes]. Vol. 5: Po tu storonu dobra i zla. K genealogii morali. Sluchay «Vagner» [Beyond Good and Evil. On the Genealogy of Morality. The Case of Wagner] (N.N. Polilov & K.A. Svasyan, Trans.). Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya. 480 p.
14. O situatsii s geroizatsiyey natsizma, rasprostraneniya neonatsizma i drugikh vidov praktiki, kotoryye sposobstvuyut eskalatsii sovremennykh form rasizma, rasovoy diskriminatsii, ksenofobii i svyazannoy s nimi neterpimosti [On the Situation with the Glorification of Nazism, the Spread of Ne Nazism and Other Practices that Contribute to the Escalation of Modern Forms of Racism, Racial Discrimination, Xenophobia and Related Intolerance]. (2019). *Report of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*. Moscow. 379 p.
15. O situatsii s pravami cheloveka na Ukraine [On the Situation with Human Rights in Ukraine]. (2023). *Report of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*. Moscow. 134 p.
16. Ponomarenko T. (2022). Kak Rossiya prinimala ukrainskikh bezhentsv v 2014 godu [How Russia Received Ukrainian Refugees in 2014]. *RBC*. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/18/02/2022/620fade89a7947983ccf1b18>
17. Ryzhov V.B. (2024). Ukraina – NATO: vzaimootnosheniya i perspektivy chlenstva [Ukraine – NATO: Relations and Prospects for Membership]. *Mezhdunarodnoye pravo*, 1, 51-62. Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70484
18. Fishman L.G. (2024). *Neravenstvo ravnykh: Kontseptsiya i fenomen resentmenta* [Inequality of Equals: Concept and Phenomenon of Resentment]. Moscow: Higher School of Economics Publishing House. 272 p.
19. Scheler M. (1997). Resentiment v strukture moraley [Resentment in the Structure of Morals] (A.N. Malinkin, Trans.). *Sotsiologicheskii zhurnal*, 4, 79-115.
20. Yatsenko N. (1999). *Tolkovyy slovar' obshchestvovedcheskikh terminov* [Explanatory Dictionary of Social Science Terms]. Series: Textbooks for Universities. Special Literature. Moscow: Lan'. 528 p.